

«Дайте народу власть!»

Сегодня мы заканчиваем публикацию речи А. Солженицына в Государственной думе.

А еще добавьте к этому инерцию голосования, которую мы вынесли из большевистских десятилетий. Мне пришлось говорить с рабочими — они и сами удивляются: «Вот мы сейчас при вас кроем свое начальство. Свобода слова есть. Правильно. Но доходит дело до голосования — что с нами происходит? Нам предлагают резолюцию — мы поднимаем руку».

И всюду меня спрашивали. Всюду и везде: «Так что же нам делать?» Я отвечал везде: «Только не насильственным путем. Только не революционным путем. Только никаких новых чисток». А тогда, спрашивают: «Какой? А какой нам выход? Где искать ключ?»

Я находил ключ: не пропускайте местных выборов. Вам даны выборы местные. Я понимаю, когда выбираете в Москву, вы, в общем, никогда не знаете, что это за люди, откуда они взялись, что они будут делать. Но местные выборы — не будьте пассивными, не наказывайте сами себя.

Вы же видите этих людей, их лица, их поступки, их действия. Смотрите в их глаза. Выбирайте тех, кто честен, бескорыстен, умен и, очень важно, стоек перед начальством, мужествен перед начальством. Это нужно.

А мне разумно отвечали: «Вот именно на местных выборах — самое страшное. Потому что все мы на прогляд. Вот на местных выборах как выступим, а завтра тебя лишат работы, если не вообще сживут со света».

Да, в августе 1991 года мы упустили направить народ к свободному волеизъявлению, открыть самому народу управлять самому собой. На постах мы тогда оставили все ту же номенклатуру, перекрашенную в демократов, перебежавшую в демократы. И это теперь последние нам на десять, на двадцать, на тридцать лет.

Сейчас везде обсуждается очень живо такой вопрос. Ну вот будут следующие местные выборы. Избирать ли самих глав администрации? Ме-

стных, районных, городских, областных — избирать или нет? Я нахожу этот вопрос совсем непростым. Недавно был указ президента о невыборности губернаторов. Надо сказать, что при огромных просторах нашей страны, при разнообразии населения в нем нам одновременно нужны и сильная центральная власть с вертикалью власти, и широкая активность народа тоже с поднимающейся вертикалью.

В Конституции записано буквально: «Формы местного самоуправления избираются самими населением». Так дайте населению действительно избирать и действительно осуществлять. Вот это есть путь — открыть населению самостоятельную народную власть. Это главное впечатление моей поездки. Сколько я видел повсюду людей, активных, деятельных, инициативных, энергичных, показывающих, что потенциал народа нашего не уничтожен всеми уничтожениями. И все эти люди без места, без пути, не знают, куда себя приложить.

Сейчас в Думе, я знаю, готовится проект местного само-

управления. Очень важный. Я в контакте с этим комитетом. Мы с ним будем еще немножко консультироваться. Но я нахожу, что местное самоуправление — это узкий термин. Ибо он ограничивает местное самоуправление сверху: местное — и хватит. Я считаю гораздо более удачным термин «земство». Земство — это старый русский термин, который существует много веков. Земство — это совокупность всех людей, живущих на данной земле. Земство — это форма самоорганизации населения. Это земство в смуту XVII века спасло Россию. Тогда пали цари, разбежались самозванцы, разбежались бояре. Обезглавленная Русь, земская Русь подняла сама себя. Нашла ополчение и гнала иностранцев. Очистила Москву, установила твердое государство.

Увы, уже в петербургский период земство начали подавлять. И сильно подавили. При Александре II произошло его счастливое возрождение. Правда, частичное. Не на все области России, не на все губернии. (Окончание на 4-й стр.)

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

нии. Не на всю высоту. Без волостного земства и без общероссийского.

Но какое было плодотворное это земство! Сколько накоплено оно ценнейшего опыта. И сколько оно воспитало деятелей, политической властью устроенных. Чем занималось земство? Перечислить все невозможно, я немножко прочту: дорогами, мостами, почтой, противопожарными мероприятиями, мелиорацией, продовольственными запасами, складами; помощью нуждающимся, бедным, больным; здравоохранением (наши русские земские врачи — это слава наша), школами, библиотеками... И так далее и так далее.

Дело в том, что 80, если не 85 процентов жизни простого человека происходит только на местном уровне. И это неудивительно. Сегодня посмотрите в Соединенных Штатах или посмотрите в Швейцарии — так и есть: 80—85 процентов вопросов решается на месте местными людьми, местным самоуправлением, не ожидая никаких указаний из Вашингтона. Так могло работать и наше земство.

Затем большевики земство раздали как вредного себе, как самого вредного себе соперника. Год назад формально земство у нас зарегистрировано Министерством юстиции. И стало немножечко восстанавливаться кое-где по областям. В некоторых еще робко, а в других его уже сейчас давят, предполагая в нем себе соперника. Но весь путь земства впереди. Только нужны законодательные рамки, юридические права и собственность.

В нижних слоях жизни земство должно взять все главные отрасли жизни, отобрать их у правительственной вертикали.

Правительственная вертикаль должна остаться. Должна быть сильная президентская власть. И потом — вертикаль вниз. Но она к низу сужается, компетенция ее, функции ее сужаются. У земства — наоборот. У земства наиболее широкая компетенция внизу. Но оно растет вверх, до всероссийского уровня. Хотя тут компетенция и функции его уменьшаются.

И на всей высоте, на всех уровнях правительство должно контролировать земство, чтобы оно выполняло государственные задачи. А земство должно контролировать правительственную линию на открытость и честность ведения дел. Вот тогда никакая коррупция не станет у нас возможна. Именно в нашей ситуации земство — единственная возможность реализовать в действии потенциал народной энергии, сознания и силу народа...

При разбуксовке, при коррумпированном, при мертвеном сегодня бюрократическом аппарате я не вижу другого выхода, как можно иначе справиться с этим наслоением коммунистической номенклатуры, которую мы взяли себе в наследие. Этот аппарат сам по себе не доведет нас до добра. Сам по себе он вообще никак нас не выведет.

Введение земства соответствует единственно верному общечеловеческому пониманию, что власть государственная не может вообще никогда быть источником народной жизни. Она может только помогать ей или вредить. Отказываясь от советского обморочного сознания, усвоим, наконец, что правительственная власть не должна распространяться на области, где свободное дыхание людей и их самоопределение.

Земская деятельность вовлечет множество людей, которых сегодня и близко не подпускают к власти. Не только к власти — к решению важнейших вопросов. Она раскроет силы народа. Она разовьет его государственное правосознание.

Да, оно сегодня слабое. У нашего народа слабое государ-

ственное правосознание, но его нельзя иначе развить, как только начать применять на деле. А параллельно тому мерами экономическими должна быть обеспечена экономическая независимость каждого гражданина. Собственность и особенно земля должны достаться людям труда и умения, а не каким-то перелетным химерам. Без экономической самостоятельности масс никакой демократии у нас никогда не будет.

К сожалению, в сегодняшнем государственном устройстве России во многом нет ясности. Например, соотношение центра и регионов. Ведь нет определенных рамок распределения бюджета и прав. Во многих регионах мне стон раздавался: хотя бы были точные рамки — что центру идет, что нам. А сегодня так:

в считанные месяцы ей предстояло распасться.

А еще эти отдельные договоры — центра с автономиями. Ну, кому в голову придет, что Вашингтон пригласил Техас для равных государственных переговоров? Или чтобы боннское правительство стало на равных разговаривать с землей Пфальца? А имейте в виду, и Соединенные Штаты, и Швейцария как раз, в отличие от нас, самые настоящие федеративные государства. Но они понимают, что такое унитарное начало. Унитарное начало — не будет государство разваливаться. А у нас — вот так.

А еще эти национальные округа. Я посмотрел в разных местах, но скажу про Тюменскую область два слова. В Тюменской области два национальных округа. Целых

имущества и не способного взять деньги с грабителей, нет денег. Говорят: нет денег у государства, которое, переходя к демократии, к демократическому строю, устроило свою бюрократию. Говорят: нет денег. Но пустуют — я ехал и видал — пустуют, пустуют, пустуют российские земли. Так помогите нашим соотечественникам их заселить. И это мы отвергаем при нашей смертности, мы отвергаем их при том, что едет наилучший профессиональный элемент и все еще не потерявший вкуса к творческому труду. Опять нет законодательства.

Есть еще встречная волна так называемых встречных мигрантов. Объявили себя республикой и суверенными государствами, но почему-то их граждане приезжают к нам с большими деньгами и не идут

идут в мусульманский мир — они неизбежно туда волеются. Мусульманский мир растет. Это будет великое явление XXI века. Не надо нам там путаться.

Но нельзя же при этом отказать Белоруссии. Белоруссия тянулась к нам — мы отказались из соображений кармана, экономики, которые, конечно, у нас превыше всего. Мы как будто не видим, что сегодня в массах белорусского, украинского народов растет понятие, что этот болезненный разрыв многомиллионных родственных связей, что мы — родные народы, что мы должны быть вместе.

А вот из Казахстана, из Казахстана нам никак нельзя бежать. И я это говорил тем делегатам, приезжавшим ко мне. В Казахстане казахи составляют еле-еле 40 процен-

Вот в 1993 году Краснодар, Краснодарский и Ставропольский края изобиливали зерном. А у нас почему-то покупали за границей. Сегодня пропадет оренбургское зерно, а мы покупаем за границей. Это почему?

Сравню, еще раз вспомню российских либералов 1917 года. Они были незадачливы. Они, взяв власть, растерялись. Они довели Россию до хаоса. Но ни один из министров Временного правительства не был взяточником! Ни один из министров Временного правительства не был вором.

У меня уже не остается времени о многом сказать. И я больше всего хотел бы сказать о грядущем. Все о грядущем — к счастью, еще не состоявшемся законе о земле говорил и буду еще говорить.

Да, строго говоря, если в третьей Государственной думе в зале сидело 50 натуральных крестьян-хлеборобов — сидит сегодня здесь один-два натуральных хлебороба? Натуральных? Или только представители колхозно-совхозного начальства?

Продавать землю с аукциона скороспелым нуворишам — это значит продать саму Россию. Остальные станут батраками. Но страна земельных батраков никогда не станет демократией!

А в заключение разрешите снова перейти к нашей пятой Думе. Я не могу скрыть огорчения, что здесь происходят время от времени скандалы, бойкоты, спектакли демонстративных уходов или изнурительные темпы процедурных споров. И это при вялом темпе законодательной работы и поверхностном характере иных, уже принятых законов.

Еще есть одно общее с прежними думами. Я отмечал в тех думах: из 400 депутатов на трибуне всегда мелькало каких-то 15—20 одних и тех же, одних и тех же. Боюсь, что это немного наблюдается и у вас.

Еще сравню с прежними думами. Дореволюционные думы имели весьма скромное жалование. Они не имели ни казенных квартир, ни казенного транспорта, ни череды оплаченных зарубежных командировок, ни устройства на летний отдых. К сожалению, ныне личный пример думцев не дает образца самоограничения другим ветвям центральной власти и эшелонам региональной власти. Небольшая часть депутатов, я знаю, пыталась протестовать против привилегий, но смолкла. А жалье: меньше было бы привилегий у власти, не стало бы в избирательных кампаниях пустошорных, ложных кандидатов, которые только болтаются ради себя.

Власть — это не добыча в конкуренции партий. Это не награда. Это не пища для личного честолюбия. Власть — это тяжелое бремя. Это обязанность, ответственность — и труд, и труд. И пока это не станет всеобщим сознанием властвующих, Россия не найдет себе благополучия.

Я, однако, сохраняю веру, что путь к исплению России не закрыт. И через все развращения, через все уничтожения, пережитые нами за 70 лет, наш народ удивительно сохранил и разнообразный, и богатый духовный потенциал. Я верю, что он одолеет и этот новый вид духовной заразы и презренных соблазнов.

Я неоднократно повторял: наша высшая и главная цель — это сбережение нашего народа. Столь уже измученного. Сбережение его физического бытия, его нравственного бытия, его культуры, его традиций. И, может быть, еще нынешнему составу законодателей предстоит делать первые исторические шаги на пути к подлинному, а не показному-фальшивому народному самоуправлению. Если столько раз мы возглашали: «К демократии! Мы идем к демократии!», так надо же серьезно двинуться к ней!

«Дайте народу власть!»

существует 89 так называемых субъектов федерации. Великолепное слово! Из этих 89 только 15 регионов — кормящие, то есть не берущие дотации, а дающие больше, чем они берут. И вот эти 15 кормят те все 74. И скажите этим кормящим регионам: какой для них смысл развивать производство, какой для них смысл получать новые доходы — ведь все загребет центр? А потом, по советскому порядку, идти туда и кланяться: дайте нам, пожалуйста, сколько вы можете отпустить.

Современные сегодняшние областные администраторы, и крупные, жаловались мне: какая то инфантильность центрального аппарата. Бывает так, что и в аварийных ситуациях нельзя докличаться. Секретари, секретари, секретари...

Неясность нашего государственного устройства во многом происходит из-за так называемого федеративного устройства России. Десятки регионов у нас объявлены автономными республиками и национальными округами. Причем чаще всего так называемая титульная нация, та, по которой названа республика, она много, много, много меньше 50 процентов. И тем не менее создается антидемократия: меньшинство должно управлять большинством.

Да, нация должна контролировать, административно контролировать только ту территорию, где она составляет явное большинство, а лучше — квалифицированное: две трети, три четверти. Тут не может быть спора. И никто не говорит о культурном развитии. Культурному развитию я в свое время посвятил много выступлений. Я за расцвет культур всех наций, даже тех, которые 500 человек в себе содержат. Но сегодня в этих республиках русское большинство утеснено и унижено. А между тем русские в России составляют более чем квалифицированное большинство — четыре пятых.

В 1993 году тогда непримиримо боровшиеся группировки в страстной охоте за голосами в республиках автономных допускали им подачки, обещания. И гуляли такие фразы: самостоятельные международные шаги автономий. Да ведь это сумасшедший дом! И вот тогда края и области наши русские, в отчаянии стали объявлять себя республиками, чтобы тоже получить какие-то права. Я издала наблюдая это — сердце разрывалось. Я убежден, что в то время, во второй половине 1993 года, Россия начала распадаться. И

два. Они соответственно имеют своих представителей в Тюменской областной думе. И вот они приезжают, голосуют и принимают какое-то решение Тюменской областной думы — по Тюменской области.

Потом они уезжают к себе и заседают в своих думах — и там выносят прямо противоположное решение. После чего говорят: «Мы — субъекты федерации». И сразу едут жаловаться от Тюменской области. Это еще больший сумасшедший дом!

Но отходя от этих политических противострастей, признаем нашу всеобщую великую дремоту. Всех нас. И законодательной власти, и исполнительной власти, и всего нашего народа, наше чудовищное равнодушие к нашим 25 миллионам отрезанных от нас соотечественников.

Три года назад наше руководство с легкостью признало фальшивые административные границы, нарезанные Лениным и его последователями, признало за государственные. И в 24 часа наши соотечественники оказались «за границей», «иностранными». Многие — в тех местах, где жили и отцы их, и деды. А теперь они притесняемы, а теперь они изгоняемы.

А мы? Эта глухота национального сознания, которую я не могу назвать иначе как национальным безумием. Где мы видели такое вообще в мире? Попадают в беду один, два, три, четыре гражданина какой-нибудь страны — собирается чрезвычайный совет министров, посылаются ноты на утешение, для демонстрации. Или когда-нибудь Германия, ФРГ, признавали ГДР гражданами? А мы? Мы все признали.

Мне пришлось сильно столкнуться с этим на сибирском пути. Я контактировал с федеральной миграционной службой — раз. И во-вторых, ко мне приезжали делегации из Южной Сибири, то есть так называемого теперь Северного Казахстана с рассказами о своем утеснении — национальным, культурным, духовным, служебном, финансовом.

Я с этим сильно столкнулся. Я брал цифры и видел, как мало мы отпускаем на помощь нашим соотечественникам, какие жалкие пособия в размере минимальной зарплаты даем ограниченному числу категорий — одиноким матерям, пенсионерам, инвалидам.

И кому удается получить ссуду — счастливчик. А мы никого не освобождаем от налогов. Говорят: нет денег. Да, у государства, допускающего разворовку национального

ими в какую федеральную миграционную службу, и не идут вообще ни к каким властям. А просто сразу покупают дома, квартиры, земельные участки и местность для своей работы.

И мы ничего не можем сделать. Нет, потому что нет законодательства об иностранцах. Государственная дума опять не успела дать закон об иностранцах. И я сегодня столкнулся в Ставропольском крае — я не буду отвлекать ваше внимание — они подробно написали, насколько это незаконная миграция, это горячая точка. Там рядом все. Насколько эта незаконная миграция ущемляет коренное население в жилье, в коммунальных услугах, в транспорте, в медицине, в образовании, в имущественных объектах. Пытались ввести квоты, визы. Пытались установить срок оседлости, после которого приезжие могут требовать себе участие в приватизации, но ГПУ — надо же настолько потерять чувство языка! — ГПУ при президенте — это главное правовое управление — поставило «нет».

Нет, потому что это нарушает права человека. Но приезжайте в Америку с любыми деньгами без разрешения — посмотрите, будут с вами разговаривать о ваших правах человека или нет. 48 часов — и назад.

Наконец, мы же страна без контролируемых границ. Как и во всем, мы же вышли из коммунизма. Самым искривленным, самым нелепым образом, самым болезненным образом — так и здесь.

Россия одной из первых республик объявила свою в кавычках «независимость». От кого независимость? От 25 миллионов брошенных соотечественников? В Беловежском близоручно не позвали Назарбаева. Почему? В Беловежском близоручно поверили Кравчуку без всяких гарантий, что действительно будет реальный государственный союз. Действительно будет. А он на второй день рассыпался. А потом кинулись в другую крайность — создали хрупкое безжизненное СНГ. Но вы сами видите: кто серьезно верит в СНГ? Или что оно будет существовать?

Надеюсь, в моей последней недавней статье «Русский вопрос к концу XX века» мне удалось показать, что это были исторические ошибки России: проникать в Закавказье и проникать в Среднюю Азию. Так вот пришла пора эти ошибки исправлять. Из Средней Азии, из Закавказья пришла пора нам полностью уходить. Средняя Азия и Азербайджан сегодня со страстью

тов. А 60 процентов — незаконных. И Назарбаев прекрасно это понимает. И Назарбаев все время предлагает кооперацию нам. Только кооперацию, я бы сказал, не в тех формах. Он предлагает кооперацию в виде сверх всех наших бюрократий, которые уже невыносимы, построить еще наднациональную из 15 государств еще бюрократию, еще много там советов и организаций. И вот там по праву единогласия голосовать. И если кто «вето» наложил, в лоб — «вето», а иначе, пугает он нас, соединимся с Турцией, то есть сделают наших соотечественников подданными будущей турецкой империи.

Назарбаев чувствует необходимость кооперации. И мы должны ему эту кооперацию дать. Мы должны прежде всего дать ему экономическую кооперацию — это уже безусловно и в первую очередь.

Но я бы сказал, мы должны дать ему и такую кооперацию, совместную с Казахстаном охрану южной и юго-восточной границы Казахстана. Нелепо и бессмысленно нам строить границу от Казахстана, где столько наших. Но нелепо и преступно нам ронять российскую кровь между Таджикистаном и Афганистаном. Какое наше дело, что происходит между группировками? Какое наше дело в той войне? Не там нам стоять. Я думаю, мы должны с Казахстаном заключить вот такое соглашение — кооперативное по границам. И защита притесняемых сегодня культурно и служебно, и духовно наших соотечественников в Казахстане должна быть главным содержанием нашей внешней политики. Вот тут меньше всего ее чувствуем.

Я четыре года назад говорил и повторяю сегодня: надо стремиться к единому государственному союзу трех славянских республик и Казахстана.

На пути моем я встречал еще такие очень резкие высказывания от простых бесхитростных людей, и от весьма грамотных, от наших отечественных предпринимателей. Они говорили: «Поймите, Россию разваливают с умыслом. Это не может быть чьим-то задуманным планом. Но слишком последовательно разваливают, чтоб это было только безмыслие». Я всюду спорил, я везде отрицал, я везде говорил: нет, заговора нет, нет умысла. Но столько недоумения — то что есть? А вот что, очевидно, есть.

Необузданные корыстные интересы подымались высоко, высоко, высоко по ветвям власти. И многие в сетях корысти.